

На снимке: известные артисты, общественные деятели, антифашисты читают драму П. Вейса в бывшем зале заседаний Народной палаты в Берлине.

ПЕТЕР ВЕЙС

Перевод с немецкого
ЛЬВА ГИНЗБУРГА

Драма Петера Вейса «Судебное разбирательство» представляет собой обобщенную, поэтически обработанную стенограмму так называемого «Освенцимского процесса», который проходил в 1965 году во Франкфурте-на-Майне.

По существу это «Lesedrama», то есть «пьеса для чтения», однако статичный материал оказался настолько напряженным, настолько насыщенным внутренним действием, что «пьеса для чтения» превратилась в «пьесу для крика», вернее — для испуленного выкрика, который в том же 1965 году прозвучал со многих сцен мира.

Под пером Петера Вейса судебные протоколы выросли до ораторий; автор сам назвал свою драму «Ораторией в одиннадцати песнях», но названия этих песен — «О разгрузочной платформе», «Об унтершарфюрере Штарке», «О циклоне-Б», «О феноле», да и название пьесы «Die Ermittlung» (дословно — «дознание», «следствие», а по смыслу — «судебное следствие», «судебное разбирательство») — подчеркнуто канцелярские, однако эмоциональный динамит таится в бесстрастных докумен-

тах — в стенографических записях, справках, протоколах... Вот почему «стих», которым написана драма, то сбивается на откровенную, слегка ритмизованную прозу, то, вырываясь из корявого и нудноватого прозаического текста показаний, звучит грозно, гулко, отчетливо. Видимо, запротоколировать дантевскими терцинами события, происходящие в современном аду, невозможно. Как и многие другие поэты, Петер Вейс ищет для этого новые средства, и его «Судебное разбирательство» — одна из находок.

В причудливой диалектике, когда «земное притяжение» заставляет поэзию опускаться на барачные нары, падать в грязь, в рвы, а затем вновь воспарять, превратившись от соприкосновения с неумолимой, но реальной действительностью в хоралы и оратории, — одна из особенностей пьесы Петера Вейса, причина ее столь сильного и прямого воздействия на читателя, зрителя и слушателя.

Мы предлагаем здесь вниманию наших читателей сокращенную композицию пьесы.

Л. Г.

ОРАТОРИЯ В ОДИННАДЦАТИ ПЕСНЯХ
(Краткая композиция)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СУДЬИ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ (прокурор и его помощники)

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАЩИТЫ

ПОДСУДИМЫЕ 1—18 (представляют подлинных лиц)

СВИДЕТЕЛИ 1—9 (попеременно представляют разных безымянных свидетелей)

При постановке этой драмы не следует пытаться восстановить реальную обстановку суда. Это представляется автору столь же невозможным, как и изображение на сцене самого лагеря.

На суде выступали сотни свидетелей. Столкновения этих свидетелей с обвиняемыми, речи защитников и прокуроров — все это отличалось огромной эмоциональной силой. Пусть же эта сила будет силою фактов, которые были приведены на процессе. Личные переживания и столкновения конкретных людей на суде не должны выступать на первый план. Действующие лица — свидетели, теряя в пьесе свои имена, выступают здесь просто как символы. Девять свидетелей передают лишь то, что чувствуют сотни людей. Различия в восприятии прошлого должны быть показаны косвенно: изменением голоса или позы.

Свидетели 1 и 2 стоят на позициях лагерного начальства.

Свидетели 4 и 5 — женщины, остальные — мужчины из числа оставшихся в живых заключенных.

В противоположность им, все 18 подсудимых представляют собой вполне конкретных лиц. У них есть имена, взятые из материалов дела. То, что они выступают под собственными именами, имеет принципиальное значение, потому что подсудимые сохранили свои имена, в то время как миллионы узников оставались безымянными.

Тем не менее носители этих имен не должны подвергаться в пьесе повторному суду. Сочинитель драмы взял у них лишь имена, которые стали здесь, в этой пьесе, символами.

Песнь о разгрузочной платформе

- СУДЬЯ.**
Господин свидетель,
вы были начальником станции,
на которую прибывали эшелоны
с узниками?
На каком расстоянии от лагеря
находилась платформа?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
В двух километрах
от старого лагеря
и примерно в пяти — от главного.
- СУДЬЯ.**
Вам и в самом лагере
приходилось работать?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Никак нет.
Мое дело — станция,
прибытие эшелонов...
- СУДЬЯ.**
Расписания вы составляли?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Никак нет.
- СУДЬЯ.**
Вот здесь у нас имеется расписание,
под которым стоит ваша подпись.
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Да, теперь вспоминаю:
один-единственный раз я подписал,
заменяя кого-то по службе.
- СУДЬЯ.**
А назначение транспортов
вам было известно?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Ни в коем случае.
- СУДЬЯ.**
Вы знали, что в эшелонах
находятся люди?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Мы знали только,
что это переселенцы...
- СУДЬЯ.**
А то, что обратно, из лагеря,
эшелоны приходят пустыми,
вас никогда не смущало?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Я полагал, что людей
как раз поселяют в том лагере...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Господин свидетель,
вы сейчас занимаете руководящий пост
в управлении железных дорог
Федеративной Республики.
Можно, надеюсь, считать,
что вы разбираетесь в вопросах
транспортировки?
Скажите, пожалуйста,
что это были за поезда,
которые к вам прибывали?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
В основном товарный состав.
В каждой теплушке,
согласно накладной,
перевозилось по 60 человек.
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Что это было:
платформы
или теплушки?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Бывали и те, и другие...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
С каким интервалом
поезда прибывали на станцию?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Не помню.
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
А то, что транспорты прибывали
почти из всех стран Европы,
это не вызывало
у вас никаких подозрений?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Работы было так много,
что думать не приходилось.
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
А вот вы
не задавали себе такого вопроса:
что же стало
со всеми этими людьми,
которых к вам привозят?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Я думал, их шлют на работу...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Но ведь это были не просто рабочие,
а целые семьи —
дети и старики...
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Признаться,
у меня не было времени
заглядывать внутрь вагонов...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Где вы там жили, на станции?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
В пристанционном поселке.
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Что это был за поселок?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Местное население
было оттуда вывезено —
там жили сотрудники лагеря
и персонал предприятий...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Каких предприятий?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Концернов Сименса, Круппа
ИГ-Фарбен...
- ОБВИНИТЕЛЬ.**
Вам приходилось видеть узников,
которые там работали?
- СВИДЕТЕЛЬ 1.**
Я видел, как их однажды
вели на работу
или с работы.
Точно не помню...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Как их вели?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Я видел: они шли строем
и пели...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Скажите, до вас доходили слухи
о том, что творится в лагере?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Столько кругом было слухов,
столько всякого вздора —
кто мог тогда в чем разобраться?

ОБВИНИТЕЛЬ.

Вы так ничего и не знали,
что истребляют людей?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

В это тогда
невозможно было поверить...

СУДЬЯ.

Господин свидетель!
Вы являлись ответственным
за отправление грузов?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Да... Совершенно верно.

СУДЬЯ.

Сколько, по вашему мнению,
содержалось людей в каждом вагоне?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Это мне неизвестно.
Нам было строжайше запрещено
контролировать грузы.

СУДЬЯ.

А накладные, скажите,
имелись на каждый состав?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Какие там накладные!
Большинство эшелонов вообще
приходило без всякой документации,
только на дверях теплушек
мелом писались цифры...

СУДЬЯ.

Какие же цифры?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

60 штук... или 80...

СУДЬЯ.

Штук?!

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Да, именно штук.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Какое впечатление
производил на вас этот «груз»?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Простите, я не понял вопроса.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Господин свидетель,
вы являетесь старшим инспектором
главного управления
железных дорог.
И вы не можете понять
такого простого вопроса!
Заглядывая в глазок,
имевшийся в каждом вагоне,
вы что-либо замечали?
Вам приходилось слышать,
как плачет, кричит и стонет
прибывший на станцию «груз»?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Однажды я увидел женщину.
Она поднесла грудного ребенка к щели,
через которую в вагон
поступал свежий воздух.
Она беспрестанно кричала
и требовала воды.
Я сразу же принес кружку с водой
и хотел было протянуть этой женщине,
но подошедший охранник,
увидев, как я подаю воду,
сказал, что, если я отсюда
сейчас же не уберусь,
меня расстреляют.

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
сколько, по вашему мнению, в день
прибывало составов?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

В среднем, один.
Но были периоды — два.
И даже три.

СУДЬЯ.

Сколько в составе вагонов?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Так, 60 приблизительно.

СУДЬЯ.

Вам приходилось бывать
на территории лагеря?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Да. Однажды пришлось:
произошла какая-то неувязка
с накладными.
Я был вызван в контору,
вошел в помещение,
и оттуда все время
никуда не отлучался:
не имел пропуска.

СУДЬЯ.

Что вы увидели в лагере?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Ничего.
Я был счастлив,
что смог убраться оттуда.

СУДЬЯ.

Вы не обратили внимания
на закопченные трубы,
из которых валил беспрерывно
густой и тяжелый дым?

СВИДЕТЕЛЬ 2.

Да, совершенно верно.
Я думал, это пекарня.
Я слышал,
там круглосуточно
выпекают хлеб:
очень большой был лагерь...

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Пять дней мы ехали, пять дней...
На вторые сутки
кончился у нас запас продовольствия.
Нас было восемьдесят девять в вагоне,
восемьдесят девять
с узлами и чемоданами.
Оправлялись тут же, на соломе.
Среди нас было много больных
и восемь мертвых.

Во время стоянок, на вокзалах,
сквозь дыру для воздуха
мы видели,
как наши охранники
получают еду и кофе —
им подносили женщины,
одетые в форму...
В последнюю ночь,
когда наш поезд свернул
на боковую ветку,
наши дети уже не плакали больше.
Нас везли
по равнинной местности,
освещенной прожекторами.
Мы приближались к серому
длинному зданию,

похожему на сарай.
Там была башня
и сводчатые ворота.
Локомотив засвистел
и, не въезжая в ворота,
остановился.

И тут же,
буквально в ту же секунду
распахнулись двери вагонов.
Узники
в полосатой одежде
ринулись на нас с криками:
— А ну! Прыгай! Живо!
С высоты полутора метров
старики и больные
падали прямо на гравий.
После того, как
выбросили мертвецов и багаж,
приказано было не двигаться с места.
И началось:

— Женщины, дети! Сюда!
— Мужчины! Сюда!..
Я потерял своих из виду.
Повсюду кричали люди,
ища своих близких.
Их усмиряли палками...
Лаяли псы.
С вышек
глядели пулеметы
и прожектора...
А на дальней окраине
небо было озарено
заревом,
пахло дымом,
и дым этот был сладкий...
И еще пахло чем-то паленым...
И этот дым
не рассеивался уже никогда...

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 4.

Я еще успела услышать,
как меня зовет и ищет
мой муж...
Нас построили
и запретили меняться местами.
Нас была группа
около ста человек.
Женщины, дети.
Мы стояли по пять человек в шеренге.
Затем нас повели мимо двух офицеров.
Один из них поднял руку —
вот так!
И стал показывать пальцем:
— Налево! — Направо!
— Налево! — Направо!
Старухи и дети — налево.

Я попала направо.
Левую группу повели по путям
на шоссе.
И тут на мгновение
я увидела мою мать
и двух моих девочек,
и я успокоилась.
Почему-то во мне вдруг
возникла уверенность,
что мы еще встретимся снова.
Женщина, стоявшая рядом, сказала:
— Не бойтесь, их ведут
в оздоровительный лагерь.
И верно:
там, на шоссе,
стоял санитарный автобус
с красным крестом.
Мы видели,
как их погрузили в автобус,
и были рады за них,
что им не придется,
как нам,
идти пешком
по размытой дороге.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Я держала за руку дочь моей невестки,
а она — своего грудного сына.
В это время
ко мне подбежал
один из этих узников
и спросил, мой ли это ребенок.
И когда я ответила: «Нет»,—
он сказал, чтобы я отдала его матери.
Я так и поступила,
и еще подумала, что, наверно, здесь
матерям полагаются льготы.
Так их, троих, послали налево,
а меня — направо.
Офицер, который распределял,
был очень любезен.
Я спросила его,
куда отправляют других.
И он ответил:
— А, всего-навсего — в баню...
Через час вы будете вместе.

СУДЬЯ.

Кто этот человек?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Доктор Капезиус.

СУДЬЯ.

Подсудимый Гофман,
как вы попали на службу
в СС?

ПОДСУДИМЫЙ 8.

Совершенно случайно...
У моего брата оказался
лишний мундир,
он мне достался бесплатно,
и я его взял —
видите ли,
мой отец был владельцем гостиницы,
у нас гостили многие видные наци.
Когда меня взяли на службу,
я понятия не имел,
куда нас везут.
Прибыв на место,
я еще, помню, спросил,
туда ли я прибыл.
— Туда, — мне сказали. — Туда,
здесь ты на месте.

Песнь о лагере

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 4.

Нас повели через рельсы,
у входа в лагерь мы ждали.
И вдруг я услышала,
как один заключенный
сказал одной женщине:
— Видишь машину с красным крестом?
Красный крест — для обмана.
В машине убьют вас газом
и прямо свезут в крематорий...
Женщина стала кричать.
К ней подошел офицер —
он понял, в чем дело,
и сказал этой женщине:
— Мадам,
ну как вам не стыдно
верить словам подонка?
Это ведь заключенный,
преступник.
Здесь ведь сплошные преступники
или умалишенные.
Взгляните
на их торчащие уши,
на бритые головы.
Как можно таким людям верить?

СУДЬЯ.

Госпожа свидетельница,
вы не помните,
кто был этот офицер?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 4.

Позднее мы с ним встретились снова.
Я работала в политическом отделе
его секретаршей.

Зовут его Брод.

СУДЬЯ.

Вы его узнаете на скамье подсудимых?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 4.

Да, узнаю... Вот он...

Подсудимый Брод дружески кивает
свидетельнице.

СУДЬЯ.

А что стало с тем заключенным,
который беседовал с женщиной?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 4.

Я слышала,
что за распространение
клеветнических слухов
он был приговорен
к 150 палочным ударам
и после этого умер.

СУДЬЯ.

Подсудимый Брод,
что вы на это скажете?

ПОДСУДИМЫЙ 16.

Затрудняюсь сказать что-либо.
Я этот случай забыл.
А кроме того,
так много ударов
мы никогда не давали.

СВИДЕТЕЛЬ 3.

У нас отобрали вещи,
отделили от наших близких,

от членов наших семей,
и все же мы: шли сквозь ворота,
по проволочному коридору
без особой тревоги,
веря, что наших жен и детей
сейчас там, наверное, кормят
и мы с ними скоро встретимся.
Но вдруг мы увидели
изможденные фигуры
в изодранных куртках,
не людей, а скелетов,
и нам стало страшно.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Один приблизился к нам
и закричал:
— Новички!
Видите дым за бараками?
Этот дым — ваши жены и дети!
Но и для вас
будет один только выход:
через трубу крематория!

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Уже с той минуты,
когда, выпрыгнув из вагона,
я оказалась в сумятице
разгрузочной станции,
с этой минуты
я поняла,
что главное здесь —
это выжить, все остальное
неважно.
Надо, я поняла,
цепляться за жизнь всеми силами,
быть ближе к тем, кто главнее,
стараться произвести на них
выгодное впечатление
и быть подальше от тех,
кто может тебе повредить
или втянуть в неприятности.
Когда в «приемном покое»
нас, женщин,
раздетых догола,
положили на стол и стали искать
в самых интимных местах
золото и валюту,
в эту минуту вся наша прежняя жизнь
как бы оборвалась
и навсегда рухнула в пропасть.
Дом, семья, профессия,
образование —
все эти понятия в нас умирали и гасли
с каждым уколом иглы,
которой нам выкалывали
номер татуировки.
И с этой же самой минуты
возникла новая жизнь:
мы начали жить, повинясь
новым законам,
новой морали,
входя в новый для нас мир,
который, для того чтобы выжить,
должен был восприниматься нами
как нормальный мир и как
нормальная жизнь.

Все это было нормальным.
Мы крали,
и крали у нас.
Грязь, эпидемии, вши
были нормальным явлением.
Смерть,
смерть на каждом шагу,
тысячекратная смерть
тоже была чем-то нормальным.
И нормальным была
уверенность в собственной смерти.
Нормальным было
увядание чувств, равнодушие
при виде
бесчисленных трупов.
И нормальным было,
что из нашей среды
выдвигались капо,
помощники капо
и те, кто нас порол
и кто помогал нас пороть.
Став прислужницей старосты блока,
вы выходили из категории низших,
а близость
с начальницей блока
давала вам превосходство
над всеми другими.
Выжить мог только хитрый,
спасти могло только коварство.
Лишь самые изворотливые
могли устоять в этой битве.
Неженки, слабые духом,
неудачники, пессимисты, плаксы,
люди, лишённые практического
склада ума,
те, кто жалел других, а себя не жалел,
здесь просто растапывались.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Первое утро в лагере.
Первая перекличка.
Плац.
Идет дождь.
Мы стоим часами и видим,
как за колючей проволокой
на той стороне платформы
истязают женщин.
Они были совершенно голыми,
и их избивали.
И они кричали нам —
мужчинам:
— Помогите!
Они ждали от нас,
от мужчин,
хоть какой-нибудь помощи,
а мы стояли,
смотрели на них
и дрожали —
тряслись от дождя и от страха.
И ничем,
ничем —
понимаете? —
ничем
не могли им помочь.

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Самым главным убийцей,
первым садистом в лагере,
убийцей и истязателем
был подсудимый Кадук.

Кадук — не просто имя,
Кадук — это понятие, символ.

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
может быть, вы нам покажете
подсудимого Кадука?

Кадук, ослабившись, смотрит на
свидетеля.

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Заключенные называли Кадука
Профессор или Святой Кадук —
он сам разрабатывал пытки,
сам проводил селекции,
крючком своей палки
вытаскивал жертву
за ногу или за шею...

ПОДСУДИМЫЙ 7.

Господин директор,
все это — вранье.

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Я был при том,
когда Кадук приказал
доставить из госпиталя
несколько сот больных.
В бане их раздели,
построили
и заставили пробегать мимо Кадука.
Кадук, подняв свою палку
примерно на метр,
приказал заключенным
брать это «препятствие».
Кто перепрыгнуть не мог,
подлежал удушению газом
немедленно.
Кому прыжок удавался,
тех избивали.
— А ну, теперь прыгай
еще раз! — приказывал Кадук.
И, конечно,
второй раз уже никто
не мог перепрыгнуть.

ПОДСУДИМЫЙ 7.

Врешь! Врешь!
Этого не было.

СУДЬЯ.

Сидите спокойно, Кадук,
и не кричите на свидетеля.

ПОДСУДИМЫЙ 7.

Господин директор,
все это чистая ложь.
А я хочу только правды.
Я одного лишь хочу:
жить в согласии и в мире
со всеми.
Все годы после войны
я честно работал,
я был санитаром в больнице,
любимцем пациентов.
Пусть они подтвердят.
Меня звали
папаша Кадук,
добрый папаша Кадук!..
Почему ж мне теперь отвечать за то,
что когда-то было,
за то, что я делал то,
что меня заставляли?
Все тогда так поступали.
Что ж мне одному отвсчать?!

3

Песнь о «качелях»

СУДЬЯ.
Госпожа свидетельница,
вы были заключенной,
но служили в политическом отделе.
Что вы там делали?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Сначала была стенографисткой,
затем,
оттого что знала языки,—
переводчицей.

СУДЬЯ.
Кто вас назначил на эту работу?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Господин Богер.

СУДЬЯ.
Вы узнаете Богера
на скамье подсудимых?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Узнаю:
вот он...

Подсудимый Богер дружески приветствует свидетельницу.

СУДЬЯ.
Как проходили допросы
в вашем отделе?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Богер сначала допрашивал
очень спокойно:
подходил к арестанту
вплотную и задавал вопросы,
а я переводила.
Если допрашиваемый не желал отвечать,
Богер бил его связкой ключей
по переносице и говорил:
— У меня есть такая машина,
она тебя заставит заговорить...

СУДЬЯ.
Что это была за машина?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Богер ее называл
«разговорной машиной».

СУДЬЯ.
Как она выглядела?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Это были «качели» —
подобие турника.
Узника подвешивали,
и мы
в своей комнате
слышали страшные крики.
Через час или два —
я не помню —
узника выносили.
Узнать его было нельзя...

СУДЬЯ.
Выносили живым или мертвым?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Если живым,
то он все равно умирал
минут через 45 или 30,
не больше.

СУДЬЯ.
За какие проступки
узников подвергали таким наказаниям?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.
Ну как — за какие проступки?
За кражу куска хлеба, допустим,
за нерадивость в работе —
много было причин...
Или достаточно было,
если стукач настучит.
Это делалось просто:
у нас стоял ящик
для доносов,
опустишь туда записку —
и дело сделано без всякой волюнки.

4

Песнь о возможности выжить

СУДЬЯ.
Скажите, свидетель,
комендант лагеря и его адъютант
присутствовали при казнях?

СВИДЕТЕЛЬ 6.
При публичных — как правило.
И всегда — в белых перчатках.

СУДЬЯ.
Свидетель, всмотритесь, пожалуйста:
вы не узнаете того адъютанта
среди подсудимых?

СВИДЕТЕЛЬ 6.
Это — Мулка.

СУДЬЯ.
Ну, Мулка,
вы принимали участие в казнях?

ПОДСУДИМЫЙ 1.
Нет, никогда.
Такими делами
я не занимался.

ОБВИНИТЕЛЬ.
Подсудимый Мулка,
вы когда-нибудь в лагере
виселицу видели?

ПОДСУДИМЫЙ 1.
Простите, не понял...

ОБВИНИТЕЛЬ.
Виселицу
на территории лагеря
вы когда-нибудь видели?

ПОДСУДИМЫЙ 1.
Я никогда не бывал в самом лагере.

ОБВИНИТЕЛЬ.

То есть
вы хотите сказать,
что адъютант коменданта Освенцима
ни разу не был в Освенциме?
Так, что ли?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Это святая правда.
Я не вылезал из конторы,
буквально не вылезал.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Итак, вы не знали,
что в лагере
вешали и расстреливали?
Что же вы делали
как адъютант?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Распределял рабочую силу,
обрабатывал личные карточки,
сопровождал коменданта
во время парадов,
приемов
и похорон...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Чьих похорон?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Офицеров...

ОБВИНИТЕЛЬ.

А вот о массовых убийствах
в газовых камерах
вам ничего не сообщали?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Ничего. Никогда.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Ну, хотя бы дым крематориев,
который расстилался на много
километров,
вы когда-нибудь видели?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Господин обвинитель,
лагерь был очень большой,
со множеством учреждений.
Естественно,
что умерших узников кремировали
и для этого
существовал крематорий.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Вам не бросался в глаза
измученный вид ваших жертв?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Лагерь считался штрафным.
Их не на курорт присылали!

ОБВИНИТЕЛЬ.

Скажите, с вашей вот точки зрения,
для чего вообще
существовал Освенцим?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Для перевоспитания
государственных преступников,
для выработки у них
нормального образа мыслей.

АДВОКАТ.

Скажите, пожалуйста,
что, между заключенными
и персоналом
существовало своего рода
сотрудничество,
взаимопонимание, что ли?

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Как вам объяснить —
когда мы сегодня
разговариваем с людьми,
которые всего этого не пережили,
они нас не могут понять.
Между тем и палачи, и узники
обычными были людьми:
масса людей доставлялась
в лагерь,
масса людей доставляла в лагерь —
одни доставляли других,
но и эти, и те были люди.
Многие из тех,
которые были предназначены
играть роль узников,
выросли в том же мире,
что и те, кто попал на роль палачей.
Кто знает,
многие, если бы их не назначила судьба
на роль узников,
могли бы стать палачами...
Мы должны отбросить
высокомерное утверждение о том,
что лагерь — это нечто таинственное,
не доступное разуму:
все мы — и те, и другие —
знали тот мир,
из которого вырос Освенцим,
мы все его дети.
И Освенцим —
крайнее выражение
нашего мира.

АДВОКАТ.

Такого рода теории,
в которых дается
искаженная идеологическая
характеристика
христианского мира
и нашего строя,
мы решительно отбрасываем!

СВИДЕТЕЛЬ 3.

У большинства людей,
прибывавших в лагерь,
просто не хватало времени,
чтобы понять, что с ними происходит...
Ошеломленные,
охваченные ужасом,
молча шли они
своей последней дорогой,
давали себя убивать,
так и не успев понять
того, что их ждет.
Мы называем этих людей героями,
но смерть их была бессмысленной.
Мы видим их перед собой,
эти миллионы,
шагающие в свете прожекторов,
под лай собак и крики охраны,
и весь мир до сих пор
спрашивает:
как это могло случиться?
Почему они дали себя убить?
Но мы,
которые все это пережили
и сами все это видели,
прекрасно знаем,
что миллионы людей
и сегодня
готовы именно так вот ждать,
покуда их уничтожат,

причем уничтожат
намного страшней,
чем уничтожали прежде.

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нас было 1200 узников,
и нас повели в крематорий.
Долго пришлось стоять в очереди
из-за голландцев, которые
прибыли раньше.
Вдруг вижу
мимо меня идет заключенный,
молодой человек,
он мне шепчет:
— Уходи отсюда скорее!
Я взял свои башмаки и пошел.
Я завернул за угол.
Там стоял человек.
Он спросил:
— Ты куда?
Я сказал:
— Меня послали обратно,
там очередь.
Он сказал:

— Иди за мной.

Так мы пришли вместе в лагерь.

АДВОКАТ.

Что, это было так просто —
Взять и уйти?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Я не знаю, как другим.
Я ушел.
И попал в лазарет.
Там меня встретил врач.
Он спросил:
— Хочешь остаться в живых?
Я сказал:— Да.
Он посмотрел на меня
и сказал:
— Будешь работать здесь.

АДВОКАТ.

И так все удалось выжить?
Выйти из лагеря?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Я-то выжил...
Но лагерь еще стоит.

5

Песнь о гибели Лили Тофлер

СУДЬЯ.

Госпожа свидетельница,
знакомо ли вам это имя — Лили Тофлер?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Да. Лили Тофлер
была исключительно красивой девушкой.
Ее арестовали за то,
что она написала письмо
какому-то узнику.
При попытке
это письмо передать
она была схвачена.
От нее стали требовать,
чтобы она назвала адресата,
но она отказалась.
Тогда ее заперли в бункер.
Раздев догола, ее несколько раз
ставили к стенке,
изображали расстрел,
даже давали команду
«Огонь!»—
а потом отменяли.
Дело дошло до того,
что Лили, упав на колени,
стала просить,
чтоб ее, наконец, расстреляли.

СУДЬЯ.

И ее расстреляли?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Да.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Я сидел в бункере,
был под арестом,
когда Лили Тофлер
попала туда вместе
с двумя заключенными,
которые, кажется, также
принимали участие
в передаче письма.

Однажды,
благодаря покровительству
вахмана Якоба,
мне было разрешено
пойти в умывальню
помыться.
И вот по дороге туда
Якоб внезапно втолкнул меня
в какую-то комнату рядом.
И сквозь щелку в двери
я смог увидеть,
как в умывальню
Богер
ввел Лили Тофлер,
я услышал два выстрела,
а после того
как Богер ушел,
увидел труп этой девушки
на полу умывальни.
Оба ее сообщника
были также расстреляны Богером
на тюремном дворе,
но несколько позже.

СУДЬЯ.

Подсудимый Богер,
известен ли вам этот случай?

ПОДСУДИМЫЙ 2.

Расстрел Лили Тофлер
имел действительно место.
Она была на секретной работе:
эта Тофлер
работала в политическом отделе,
в канцелярии,
ведала перепиской.
И, разумеется, ей
не разрешались контакты
с кем-либо из заключенных.
Но лично я ни в аресте ее,
ни в расстреле
никак не замешан.

Помню, я был потрясен,
услышав об ее смерти,
так же как Якоб,
тот надзиратель из бункера,—
слезы текли у него по щекам,
когда он узнал...

СУДЬЯ.

Можете вы рассказать,
о чем говорилось в письме,
написанном Тофлер?

ПОДСУДИМЫЙ 2.

Нет.

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Лили Тофлер писала:
«Стоит ли жить на земле,
можно ли жить оставаться
после всего, что узнали мы
здесь, находясь в этом лагере?
После всего, что мы видели,
смеем ли мы не ослепнуть?..»
Также — я помню —
в этом письме она пыталась узнать,
получал ли друг
ее прежние письма:
там содержались какие-то
важные вещи...

АДВОКАТ.

Госпожа свидетельница,
откуда вы все это знаете?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Я с Лили Тофлер дружила,
мы жили в одном бараке,
она мне все рассказала...
Потом я читала это письмо —
я работала в лагерной канцелярии,
туда поступил рапорт
о казни Лили Тофлер.
К этому самому рапорту
приложено было письмо.

СУДЬЯ.

Вы знали того заключенного,
которому Тофлер писала?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА 5.

Да...
Помню, всех мужчин
построили на плацу,
и Лили должна была
назвать своего «сожителя»,
как они говорили.
И она обходила строй
и, проходя мимо того человека,
мельком, но как-то пронзительно
взглянула ему в глаза
и пошла дальше, не говоря ни слова.

6

Песнь об унтершарфюрере Штарке

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Вот этот Штарк —
он был у нас начальник
команды по приемке заключенных.
Ему в ту пору
было 20 лет.
В свободное от службы время
он готовился к экзаменам
на аттестат зрелости...
Чтобы проверить прочность
своих знаний,
он часто обращался с вопросами
к нам —
смертникам со средним или высшим
образованием.

Так, в тот самый вечер,
когда поступила
с двумя детьми
та женщина из Польши,
он с нами вел дискуссию на тему
о гуманизме Гёте...

СУДЬЯ.

И что же
произошло тогда?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Впоследствии узнали мы о том,
что 8-летний мальчик этой польки
во время следования в польский блок
каким-то образом поймал или схватил
крольчиху, что принадлежала
помощнику начальника охраны,
и отдал ее
девочке двух лет —
своей сестренке...

За это расстреляли всех троих:
мать, дочь и сына.
Расстрелял их Штарк...

СУДЬЯ.

Вы это видели?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

В то время
расстрелы производились еще
в помещении старого крематория,
рядом с карантинным блоком.
В окно мы видели,
как Штарк
вместе с этой женщиной и ее детьми
вошел в крематорий,
сняв карабин.
Грянули выстрелы.

СУДЬЯ.

Подсудимый Штарк!
Правильно показывает свидетель?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Я решительно отмечаю это утверждение.

СУДЬЯ.

Кем вы были в лагере?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Блокфюрером.

СУДЬЯ.

Как вы попали в Освенцим?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Вместе с группой унтершарфюреров.

СУДЬЯ.

И вас назначили блокфюрером?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Да. Я окончил школу фюреров,
прошел специальную практику.

СУДЬЯ.

Значит, из школы фюреров
вы прибыли в лагерь?
Что же там было?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Нас привели на приемную комиссию,
в которую входили
комендант, адъютант,
рапортфюрер, лагерфюрер и...

СУДЬЯ.

Какую вам дали работу?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Я послан был в блок,
где сидели студенты и школьники.

СУДЬЯ.

За что же они там сидели?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

За связь с подпольным движением.
Их взяли, мне помнится,
группой.
Полиция безопасности
передала их в лагерь...

СУДЬЯ.

Вы,
как блокфюрер, как вы обращались
со своими «подопечными»?
Что вы с ними делали?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Я следил за своевременным
выходом их на работу
и производил вечернюю и
утреннюю поверку.

СУДЬЯ.

Случались попытки к бегству?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

При мне — никогда.

СУДЬЯ.

Как обращались с людьми?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Они получали паек:
каждый по литру супа.

СУДЬЯ.

А бывали случаи саботажа?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

При мне — никогда.

СУДЬЯ.

Вам приходилось прибегать к насилию,
если заключенные
отказывались повиноваться?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Мне повиновались всегда.

СУДЬЯ.

Вы никого не били?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Не было необходимости.

СУДЬЯ.

Когда вы попали в приемный барак
политического отдела?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

В мае 1941 года.

СУДЬЯ.

Почему вас перевели?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Во время прогулки верхом
я познакомился
с унтерштурмфюрером Грабнером —
шефом отдела политики.
Грабнер спросил меня,
кем я был до войны.
Узнав, что я гимназист,
он взял меня в свой отдел,
потому что, как он мне сказал,
там нужны культурные люди.

СУДЬЯ.

Что же вы делали там
в политической группе?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Ведал регистратурой.
Прибывающий в лагерь
получал от меня порядковый номер,
затем я заполнял карточку
и личное дело.
Из опросных листов выяснялось,
к какому разряду относится
заклученный —
политический, уголовный
или расово чуждый.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Скажите, Штарк,
вы всегда присутствовали
при разгрузке транспортов?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Согласно занимаемой мною
должности —
непрерывно.

ОБВИНИТЕЛЬ.

И что вы делали,
когда прибывал эшелон?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Вел учет прибывающих.
Только и всего.

ОБВИНИТЕЛЬ.

В чем выражался учет?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Одних я записывал в книгу.

ОБВИНИТЕЛЬ.

А других?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Других не записывал.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Почему?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Их немедленно отправляли
в малый крематорий.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Это было еще до постройки
главных печей?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Так точно.
Новые печи стали действовать
только летом 1942 —
до этого
мы пользовались печью
старого лагеря.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Как происходила отправка
в крематорий?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Против имени сжигаемого
ставилась галочка, птичка,
после чего сжигаемый
входил в крематорий.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Как объясняли людям,
что с ними будет?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

А! Говорили, что это баня
или дезинфекционная камера.

ОБВИНИТЕЛЬ.

И как вели себя люди?
Бывали ли случаи паники?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Нет, нет, все были спокойны.
Совершенно спокойны...

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Я хорошо помню,
как вел себя Штарк,
когда возвращался с расстрелов.
Он требовал чистоты!
Прежде всего чистоты!
Вооружась полотенцами,
мы выгоняли мух:
не дай бог
Штарк обнаружит муху —
тогда мы пропали.
Еще не скинув мундир и фуражку,
он уже мыл руки.
Да, он тщательно мыл свои руки
в миске с мыльной водой.
Дежурный ждал у дверей
и по знаку унтершарфюрера
со всех ног мчался менять ему воду.
Умывшись, Штарк сбрасывал китель:
— Вычистить! Вытряхнуть!
И мыл тогда снова лицо.
И еще раз —
тщательно —
руки.

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Вот уже 25 лет,
как мне мерещится Штарк...
Штарк, Штарк, Штарк,
всюду Штарк.
Я вижу его.
Я слышу, как он кричит:
— Эй, вы! Дерьмо! Заходите!
Сукины дети! Сволочи!
Заходите!

СУДЬЯ.

Куда «заходите»?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

В морг крематория.
Там лежали трупы
нескольких сот мужчин,
женщин, детей.
И трупы военнопленных тоже там были.
— Эй,— кричал нам Штарк,—
приступите к раздеванию трупов!
Мне было 17 лет,
до этого дня я не видел ни одного
покойника.

И боялся мертвецов...

Я стоял как вкопанный.

Тут подбежал Штарк и ударил меня...

СУДЬЯ.

На трупах были ранения?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нет. Их отравили газом...

СУДЬЯ.

Скажите, свидетель,
разве перед тем, как пустить газ,
смертников не раздевали?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Это было позднее:
в новых крематориях
были уже раздевалки...

СУДЬЯ.

И Штарк там действовал тоже?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Штарк участвовал всюду.
Везде.

Я слышу, как он орет:

— Собрать барахло!

Однажды какой-то старик,
человек невысокого роста,
спрятался в ворохе одежды...

Штарк обнаружил его:

— А ну, поди-ка сюда!

Поставил его к стене и
прострелил ему ногу —
одну,

другую,
потом посадил на скамейку
и выстрелил в голову...

СУДЬЯ.

Скажите, Штарк,
сколько человек входило
в каждую группу,
подлежащую казни?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Штук сто пятьдесят или двести.

СУДЬЯ.

И дети, и женщины тоже
входили в это число?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Да.

СУДЬЯ.

И вы считали правильным,
что дети и женщины тоже
подлежали безжалостной смерти?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Нам тогда объяснили,
что эти дети принимали участие
в отравлении колодцев,
в подрывах мостов
и в прочих бандитских действиях.

СУДЬЯ.

Почему вы убивали военнопленных?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Была директива, что эти военнопленные
потеряли моральное право
на обращение с ними,
как с честными солдатами.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Подсудимый Штарк,
осенью 41 года в лагерь поступило

большое число советских
военнопленных.

Согласно
имеющимся у нас протоколам
вы — я подчеркиваю,
именно вы — занимались убийством
этих солдат.

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Да... Постольку, поскольку...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Что значит «постольку, поскольку»?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Я их всего лишь
сопровождал к месту казни,
с тем чтобы потом сделать отметку
в соответствующей карточке,
что приговор исполнен,
затем в другой карточке
сделать отметку о том,
что такой-то номер...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Как официально обосновывали
необходимость
расстрела советских военнопленных?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Речь шла о людях, зараженных
определенным мировоззрением.
Их фанатизм,
их политические взгляды
могли стать угрозой
для безопасности и порядка концлагеря.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Лично вы принимали участие в казнях?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Один только раз.
Это было, когда Грабнер сказал,
что теперь очередь Штарка,
и мне пришлось...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Сколько вы расстреляли?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Я точно не помню.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Вы принимали участие в других акциях?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Нет. Я получил отпуск
для завершения образования,
мне нужен был аттестат зрелости...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Когда вы уехали?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

В декабре 41 года...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Когда вы сдали экзамен?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Весной 42...

ОБВИНИТЕЛЬ.

И вновь возвратились в лагерь?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Да. Ненадолго.

АДВОКАТ.

Мы хотим подчеркнуть,
что нашему подзащитному

к моменту его службы в Освенциме
было всего 20 лет,
и, как здесь показали свидетели,
он отличался исключительно высокими
духовными запросами,
интеллектуальной утонченностью
и по всему складу своего характера
был человеком гуманным, гуманитарием
и уже после войны, до ареста,
честно работал учителем в школе...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Скажите, Штарк,
вы принимали участие
в пробных удушениях
газом
советских военнопленных?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Нет.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Подсудимый Штарк,
осенью и зимой 41 года
началось массовое уничтожение
советских военнопленных.
25 тысяч человек было умерщвлено.
Вы принимали участие в этих убийствах!
Знали о них, одобряли эти убийства
и проявляли рвение
при исполнении преступных приказов.

АДВОКАТ.

Решительно протестуем!

СУДЬЯ.

Скажите, Штарк,
вот вы уехали в отпуск,
чтобы сдать экзамен
на аттестат зрелости.

Несколько месяцев
вы жили нормальной жизнью
нормального человека.

Неужели у вас не возникло
раскаяния или сомнения
в правильности ваших действий
там, в лагере?

ПОДСУДИМЫЙ 12.

Господич председатель,
я хотел бы еще раз сказать,
что нам тогда вечно твердили
о том, что те, кто виновен
в наших несчастьях,
должны быть уничтожены,
выкорчеваны навсегда
во имя грядущего счастья...
В школе фюреров нас приучали
безропотно выполнять любые приказы.
Если кто-нибудь вдруг

позволял себе дерзость
задать вопрос о законности
тех или иных наших действий,
ему отвечали тем,
что показывали пальцем наверх,
то есть то, что мы делаем,
разрешено и предписано сверху.

Нам говорили:

«Учитесь!

Ваше дело — учиться!

А думать будут другие!»

Одобрительный смех.

Песнь о черной стене

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Расстрелы производились
у черной стены
во дворе одиннадцатого блока.

СУДЬЯ.

Откуда вели осужденных
к черной стене?

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Из боковой двери
в одиннадцатом блоке.

Их вел Якоб —
человек огромного роста,
бывший боксер.

СУДЬЯ.

Кто стрелял в осужденных?

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Сам комендант лагеря,
его адъютант,
шеф политического отдела Грабнер,
а также Брод, Штарк, Богер, Шляге,
Кадук...

АДВОКАТ.

Вы уверены в том,
что адъютант
участвовал в казнях?

СВИДЕТЕЛЬ 3.

Адъютант — это фигура,
с кем его спутаешь?
Он был почти так же известен,
как сам комендант.

СУДЬЯ.

Подсудимый Богер,
вы принимали участие в расстрелах?

ПОДСУДИМЫЙ 2.

Я не стрелял ни разу
за всю мою службу.

СУДЬЯ.

А вы, подсудимый Брод?

ПОДСУДИМЫЙ 16.

Зачем мне было стрелять?
Я не имел полномочий.

СУДЬЯ.

Вы, Шляге?
Ведь вы были надзирателем
одиннадцатого блока?
Вы помните черную стену?

ПОДСУДИМЫЙ 14.

Я ничего не помню.

СУДЬЯ.

Кадук, а вы?

ПОДСУДИМЫЙ 7.

Давайте валите на Кадука.
Сплошная брехня, а не суд...

СУДЬЯ.

Вызывается в качестве свидетеля
бывший начальник нынешних
подсудимых...

Господин свидетель,
вы были шефом полиции безопасности
и председателем лагерного трибунала.
Какое вы имели отношение

к казням, которые осуществлялись
политическим отделом?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

По моей должности я не имел
ничего общего
с политическим отделом лагеря.
Я вел лишь дела партизан,
доставляемых в лагерь и подлежащих,
согласно закону,
судебной ответственности.

СУДЬЯ.

Где проходили судебные заседания?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

В одном из барачков.

СУДЬЯ.

В одиннадцатом блоке?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Вот этого я не скажу.
Номер блока, сами понимаете,
меня не интересовал.

СУДЬЯ.

Когда вы выходили из «зала суда»,
то есть из вашего блока,
вы видели черную стену?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Не могу сейчас вспомнить.

СУДЬЯ.

Вы должны ее помнить — черную стену.

СВИДЕТЕЛЬ 1.

У меня плохо с памятью.

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
итак, вы были председателем трибунала.
Скажите,
участвовали ли в заседаниях трибунала
также и адвокаты?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Да, если этого хотели подсудимые.

СУДЬЯ.

Ну и как они — хотели?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Редко.

СУДЬЯ.

И все-таки?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Ну, иногда приглашали.

СУДЬЯ.

Откуда брались адвокаты?
Кто были эти защитники?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Это были чиновники,
специально выделенные
из особо проверенных лиц.

СУДЬЯ.

Производились ли усиленные допросы?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

В суде — никогда!
Да и к чему?
Состав преступления
настолько был ясен,

что можно было вообще
обойтись без всяких допросов.

СУДЬЯ.
В чем выражался обычно
состав преступлений?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Ну, мы имели дело
исключительно с одними
государственными преступниками.

СУДЬЯ.
Подсудимые признавали себя
виновными?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Непризнававшихся не было.

СУДЬЯ.
Отчего же они признавались?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Такие уж были допросы.

СУДЬЯ.
А где проводились допросы?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Как — где?! В политическом отделе.

СУДЬЯ.
А вы, как судья, не задумывались
над ценою признаний,
добытых подобным путем?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Лично я неизменно внушал
всем моим сотрудникам,
что допросы необходимо
проводить корректно,
в полном соответствии
с нормами права.

СУДЬЯ.
В ходе суда
заслушивали свидетелей?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Как правило, нет.
Мы спрашивали подсудимых,
признают ли они себя виновными.
И все отвечали: «Да».

СУДЬЯ.
Таким образом,
выносились одни смертные приговоры?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Практически да,
оправдательных не было.

8

Песнь о феноле

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Фельдшера Клера
я обвиняю
в тысячекратных убийствах
посредством инъекций фенола...

ПОДСУДИМЫЙ 9.
Ложь! Никогда не бывало,
чтоб я кого уколел.
Правда, несколько раз
я присутствовал, находясь на дежурстве,
но с большой неохотой.

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Каждый день в лазарете
умерщвлялось не менее

Вообще процессы устраивались
только в тех случаях,
когда все было ясно.

СУДЬЯ.
Бывало ли, что подсудимые
обращались к суду с жалобами
на истязания во время допросов?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Нет, никогда. Что вы!

ОБВИНИТЕЛЬ.
Господин свидетель,
во скольких процессах
вы участвовали?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Сейчас уж не помню.

ОБВИНИТЕЛЬ.
Сколько, примерно,
продолжалось судебное заседание?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Забыл.

ОБВИНИТЕЛЬ.
Господин свидетель,
вы сегодня управляете
крупнейшей торговой фирмой,
и вы, конечно, привыкли
постоянно иметь дело с
цифрами, числами,
подсчетами и так далее.
Скажите, пожалуйста,
сколько человек вы осудили на смерть?

СВИДЕТЕЛЬ 1.
Этого я не знаю.

СВИДЕТЕЛЬ 6.
В течение одного заседания
лагерного трибунала
выносилось в среднем
от 100 до 150
смертных приговоров.
Заседание длилось час-полтора,
а трибунал заседал каждые две недели.

ОБВИНИТЕЛЬ.
Господин свидетель,
сколько, по вашим подсчетам,
было расстреляно у черной стены
человек?

СВИДЕТЕЛЬ 6.
Около двадцати тысяч.

тридцати заключенных,
но бывало, и сто приводили, и двести.

СУДЬЯ.
Где производились инъекции?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
В инфекционном блоке —
то есть в двадцатом.

СУДЬЯ.
Каким образом доставляли туда
заключенных?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Те, кто еще мог двигаться
самостоятельно,

шли в нижних рубашках или голые, держа над головой одеяло и свою деревянную обувь. Многих больных волокли или подталкивали. Они входили через боковую дверь в двадцатый блок...

СУДЬЯ.

В каком помещении производились инъекции?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

В комнате номер один — там был кабинет врача.

СУДЬЯ.

А где ожидали приема?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Заключенных выстраивали в коридоре. Тяжелобольные лежали прямо на голом полу.

В кабинет вводили по двое.

Врач — доктор Энтресс — передавал Клеру треть пациентов. Но ему этого было мало.

Когда врач уходил, Клер обычно вытаскивал из лазарета новую партию.

СУДЬЯ.

Вы это сами видели?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Своими глазами...

Клер любил круглые числа.

Если, допустим, ему не подходит число, он добавлял количество жертв за счет лежавших в больнице.

Он выбирал больных с повышенной температурой.

СУДЬЯ.

Какие же круглые числа любил подсудимый?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

Двадцать три он доводил, допустим.

до тридцати, тридцать шесть — до сорока и так далее.

Отобранным пациентам он приказывал следовать за ним...

СУДЬЯ.

Как он приказывал?

СВИДЕТЕЛЬ 8.

— Ты пойдешь со мной!
Ты тоже! Ты! Ты! И ты!

СУДЬЯ.

Подсудимый Клер, расскажите, как вы убивали своих «пациентов».

ПОДСУДИМЫЙ 9.

Только согласно инструкции, в полном соответствии с правилами: путем инъекций фенола в сердечную мышцу.

Но я не один это делал.

СУДЬЯ.

Кто же еще?

ПОДСУДИМЫЙ 9.

Не могу сейчас вспомнить.

СВИДЕТЕЛЬ 9.

В этих убийствах совместно с Клером неизменно участвовали также подсудимые Шерпе и Хантль.

У этих был свой метод, не тот, что у Клера, они отличались вежливостью.

Приходя к нам в барак, говорили «Доброе утро», а уходя — «До свиданья».

Клер, тот всегда врывался как бешеный, а Шерпе всегда был ровен, предупредителен, он разговаривал с людьми ласково.

Я никогда не видел, чтобы он кого-нибудь бил, на кого-нибудь топал ногами.

Те, которых он вызывал, доверяли ему и шли за ним, полагая, что их будут лечить.

СУДЬЯ.

Господин свидетель, вы, находясь в заключении, были врачом больничного блока.

Не можете ли вы нам сказать, кто первым придумал фенол?

СВИДЕТЕЛЬ 9.

Лагерный врач доктор Энтресс.

Собственно, он — «изобретатель» инъекций.

Сначала был выбран бензин, но вскоре обнаружилась

его непрактичность: смерть после инъекции бензина наступала через три четверти часа.

Пришлось искать более сильное средство.

Стали вводить водород.

Потом — фенол...

СУДЬЯ.

Вы видели, кто непосредственно делал уколы?

СВИДЕТЕЛЬ 9.

Вначале сам доктор Энтресс, потом появились Шерпе и Хантль.

АДВОКАТ.

Скажите, а санитары тоже кололи?

СВИДЕТЕЛЬ 9.

Вначале — да.

АДВОКАТ.

Стало быть, узники погибали от рук своих же «коллег»? Не так ли?

ОБВИНИТЕЛЬ.

Мы протестуем против подобных приемов защиты. Нельзя обвинять людей подневольных, которые действовали под страхом смерти.

АДВОКАТ.

Но разве под этим страхом не действовал весь персонал?

Вся германская армия?
Весь народ, наконец?

ОБВИНИТЕЛЬ.
Нет! От участия в пытках
каждый мог уклониться,
если хотел.

СУДЬЯ.
Мы вызываем в качестве свидетеля
одного из главных врачей лагеря.
Господин свидетель,
какая ученая степень
или звание
были у вас к моменту вашего призыва
на военную службу
до прибытия в лагерь?

СВИДЕТЕЛЬ 2.
Я был профессором,
заведовал кафедрой в университете.

СУДЬЯ.
И, обладая таким высоким званием,
вы были всего-навсего
канцеляристом, писарем?

СВИДЕТЕЛЬ 2.
Ну... иногда я занимался также
патологоанатомией...

ОБВИНИТЕЛЬ.
Как вы себя могли чувствовать
перед лицом этих массовых казней?

СВИДЕТЕЛЬ 2.
Мой нравственный долг —
заявить,
что я и сегодня
считаю себя ни в чем не виновным,

9

Песнь о бункере

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Я был осужден
на тридцать суток
стоячей камеры.
Это значило:
днем, как обычно, — работа,
ночью — стояние в камере.

СУДЬЯ.
За что они вас осудили?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Я дважды протягивал миску
во время раздачи баланды.

СУДЬЯ.
Где находилась стоячая камера?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
В одиннадцатом блоке, в подвале.

СУДЬЯ.
Назовите, пожалуйста,
длину и ширину камеры.

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Девяносто на девяносто сантиметров
площадь,
высота — два метра.

СУДЬЯ.
Окно было?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Только дыра для воздуха

мы отбирали
лишь безнадежно больных,
которые бы все равно
протянули недолго...

ОБВИНИТЕЛЬ.
Господин свидетель,
и вы — человек образованный,
врач, профессор университета,
неужели вы не могли прибегнуть
к иным, человеческим средствам?

СВИДЕТЕЛЬ 2.
Нет! Не тогда и не там!
Тысячи наших солдат
истекали кровью на фронте,
и в городах разбомбленных
страдали миллионы людей...

ОБВИНИТЕЛЬ.
Но, господин свидетель,
разве вам же было ясно,
что речь шла тоже о людях,
притом ни в чем не повинных, —
за что вы их убивали?
За что вы их мучили? А?..
Скажите, почему
вы для своих опытов
пользовались
только человеческим мясом?

СВИДЕТЕЛЬ 2.
А потому что охрана
систематически съедала
все коровье и конское мясо,
которое мы получали для
бактериологических опытов.

в верхнем углу —
крохотное отверстие.

СУДЬЯ.
А дверь?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Внизу был прорублен люк —
пятьдесят сантиметров в диаметре.
Через него мы вползали в камеру,
люк задвигали решеткой.

СУДЬЯ.
Вы один были в камере?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
Вначале один,
но потом еще четверых привели.

СУДЬЯ.
Бывали такие,
кому приходилось стоять день и ночь,
круглые сутки?

СВИДЕТЕЛЬ 8.
В большинстве случаев
именно так и стояли:
приговаривали, как правило,
к круглосуточному стоянию.
Впрочем, существовали
всякие виды мучений.
Одним давали еду
через день или через два дня,

другим — вообще ничего не давали,
осудив их, таким образом,
на голодную смерть.
Мой друг, Курт Пахала,
умер через пятнадцать суток —
в последние дни
он ел свои туфли.
Он умер 14 января 43 года —
дату я помню точно:
это день моего рождения.
Тот, кто, как Курт Пахала,
был приговорен к стоячей камере
без получения пищи,
мог ругаться, кричать,
проклинать кого угодно и
сколько угодно,
хоть самого Гитлера, —
все равно люк не откроется.
В первые ночи я слышал:
Пахала еще громко кричал
от голода, а затем
голод исчез,
наступила жажда.
Он стонал,
молил о пощаде,
хотя бы о капле воды.
Никто не отзывался.
Он лизал мокрые стены,
пил собственную мочу —
тринадцать дней длилась жажда,
затем из его камеры
уже не раздавалось ни звука.

СУДЬЯ.

Подсудимый Шляге,
вы пытали узников,
заключенных в стоячую камеру,
голодом и жаждой?

ПОДСУДИМЫЙ 14.

Господин директор,
я считаю необходимым сделать
следующее
важное заявление перед всем миром:
здесь судят невинного!
В одиннадцатом блоке
я был, по существу,
всего-навсего ключником,
то есть отпирал и запирал
двери камер.

Мне приказывали, я выполнял,
а за все, что творилось в бункере,
должен ствечать комендант лагеря
или его заместитель.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

3 сентября 41 года
в бункере были предприняты
первые попытки

массовых умерщвлений
посредством циклона-Б.
Санитары и вахманы
привели в одиннадцатый блок
восемьсот пятьдесят
советских военнопленных
и двести двадцать больных узников.
После того
как камеры были заперты наглухо,
окна засыпали землей и
в вентиляционные отверстия
был пущен газ.
На следующий день выяснилось,
что несколько человек уцелело,
поэтому порцию газа усилили.
5 сентября
я вместе с двадцатью заключенными
штрафной роты
и несколькими санитарами
был вызван в одиннадцатый блок.
Нам сказали, что предстоит
работа особой важности
и особой секретности
и что за разглашение тайны
мы подлежим

пытке и смертной казни.
К тому же нам был обещан
усиленный паек
по окончании работы.
Мы надели противогазы
и стали выносить трупы
из камер.
Когда мы отворили двери,
прямо на нас
упало несколько трупов.
Видимо, эти люди умерли стоя,
прижавшись друг к другу.
У всех были синие лица.
В течение целого дня
мы выносили
эти трупы во двор
и складывали их штабелями.
Вечером пришли комендант и
чины его штаба.
Я слышал слова коменданта.
— Теперь, — он сказал, —
я спокоен.
Теперь мы имеем газ,
и вся эта мясорубка —
массовые расстрелы,
кровавые бани
и прочие безобразия,
слава богу,
кончается.
До самой последней минуты —
до их удушения газом —
мы сможем с людьми обращаться,
как подобает людям.

10

Песнь о циклоне-Б

СУДЬЯ.

Скажите, свидетель,
вы не помните,
где хранился газ?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Он стоял, упакованный в ящики,
в подвале аптеки.

СУДЬЯ.

Подсудимый Капезиус,
это касается вас.
Было ли вам,
как начальнику аптеки,
известно,
что там хранится циклон-Б?

ПОДСУДИМЫЙ 3.

Здесь, очевидно, происходит ошибка.
Господин свидетель, видимо, ошибается.
В подвале хранились ящики
с пирамидоном,
который мы получили от швейцарского
Красного Креста.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Я видел коробки с пирамидоном,
и я видел ящики с циклоном,
и я видел еще чемоданы,
в которых подсудимый Капезиус хранил
золотые коронки,
изъятые из ртов убитых,
и золотые серьги,
вырванные из ушей замученных
женщин...

ПОДСУДИМЫЙ 3.

Извините... но это вымысел!

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Я хотел бы знать,
откуда, на какие средства
подсудимому Капезиусу удалось
сразу же после войны
открыть собственную аптеку
и салон красоты...

КАПЕЗИУС ГАРАНТИРУЕТ ВАМ
КРАСОТУ! —
кричали рекламы,
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ МАЗЯМИ КАПЕЗИУСА!
КАПЕЗИУС ВОЗВРАЩАЕТ
МОЛОДОСТЬ!..

ПОДСУДИМЫЙ 3.

Аптека была куплена мною в кредит.
Кроме того, я получил подарок.

СВИДЕТЕЛЬ 6.

А откуда взялись 50 тысяч марок,
которые были обещаны мне
и другим свидетелям
в случае, если мы здесь,
на суде, скажем,
что Капезиус ведал в лагере только
аптекой
и не имел никакого отношения
ни к циклону-Б,
ни к фенолу?

ПОДСУДИМЫЙ 3.

Боже, боже, какая клевета!

ОБВИНИТЕЛЬ.

Через кого была предпринята
попытка вас подкупить, свидетель?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Я не знаю. Они действовали анонимно...

ОБВИНИТЕЛЬ.

Может быть, здесь замешана
одна
из легально существующих у нас
организаций
бывших ээсовцев
и охранников лагерей?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Я хотел бы, чтобы высокий суд
ознакомился с письмом,
полученным мной накануне процесса.
Обратный адрес гласит:
«Союз свободы, труда и прогресса».
Вот содержание. Разрешите прочесть.
«Ты скоро исчезнешь с лица земли,
и ты подохнешь, как собака,
наши люди следят за каждым
твоим шагом.

Теперь сам выбирай:
жизнь или смерть...»

СУДЬЯ.

Суд постарается
выяснить происхождение этого письма.

АДВОКАТ.

Может, свидетель вспомнит,
что было изображено
на ящиках с циклоном?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Там стояло: «Осторожно! Газ!»
И еще были
нарисованы череп и кости.

АДВОКАТ.

А вы заглядывали когда-нибудь
в самые ящики?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

Да, я видел там банки...

СУДЬЯ.

Сколько банок требовалось
на проведение одной акции?

СВИДЕТЕЛЬ 6.

На уничтожение
двух тысяч человек
в газовой камере
расходовалось примерно
шестнадцать банок.

СУДЬЯ.

Если килограмм стоил пять марок,
то, следовательно,
умерщвление каждой тысячи человек
обходилось в двадцать марок,
не так ли?

11

Песнь о крематориях

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
находясь в заключении,
вы были врачом
в специальной команде,
обслуживавшей крематорий.
Сколько узников
работало в этой команде?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Восемьсот шестьдесят.
Команда была
через несколько месяцев
уничтожена полностью
и заменена другой.

СУДЬЯ.

Кому подчинялась команда?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Доктору Менгеле.

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
как происходила загрузка
газовых камер?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Свисток паровоза,
въезжавшего в лагерь с составом,
являлся как бы сигналом:
это значило,
что прибыла новая партия
и что в течение часа
все печи должны быть
приведены в полнейшую
готовность.
Включались электромоторы,
мощные вентиляторы
раздували в печах огонь
и доводили температуру
до определенного градуса.

СУДЬЯ.

Вам приходилось видеть
шесть обреченных?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Из окна моего кабинета
я видел путь в крематорий.
Люди шагали в шеренгах
по пять человек,
больных везли сзади в машинах.
Зона самого крематория
была обнесена
проволочным забором.
До ворот
людей доводила охрана,
дальше все было делом
зондеркоманды.
Только врачи и санитары,
а также сотрудники политического
отдела
имели право на вход.

СУДЬЯ.

Кого из подсудимых
вам приходилось там видеть?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Штарка, Барецкого, Гофмана,
ну и, конечно, Кадука...
Люди медленно и устало
проходили через ворота.
Дети цеплялись
за юбки своих матерей,
старухи несли на руках младенцев
или толкали коляски,
дорожка была посыпана
черным шлаком.
Справа и слева
на траве
стояли колонки с водой.
Люди толпились у этих колонок,
чтобы утолить жажду,
им еще разрешали пить,
хотя уже торопили,
прикрикивали на них:
— Быстрее, быстрее, не задерживаться!
Им оставалось пройти
еще 50 метров
до лестницы,
которая вела
в раздевалку...

СУДЬЯ.

Сколько человек
входило одновременно?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

От тысячи до двух тысяч.

СУДЬЯ.

Неужели они не знали,
что вскоре им предстоит?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Там,
на той узкой лестнице,
висели таблички
на пяти-шести языках:
«Баня и дезкамера».
Это звучало правдоподобно
и утешительно
и успокаивало
даже людей недоверчивых.
Я часто видел людей,
спускавшихся вниз по лестнице.
Они шутили с детьми,
смеялись и разговаривали...

СУДЬЯ.

И никогда не возникала паника?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Все происходило так быстро,
что паники, собственно, не было.
Давался приказ раздеться,
и многие еще растерянно
оглядывались по сторонам,
а зондеркоманда
быстро помогала им складывать вещи.
Вдоль стен стояли скамейки,
на стенах висели крюки
с номерами,
и несколько раз повторялось,
что обувь и одежду
следует связывать в узел,
вешать на этот крючок
и запоминать свой номер,
с тем чтобы после бани
не было недоразумений.
При ослепительно ярком свете
мужчины и женщины,
старые и молодые,
старухи и дети
снимали с себя одежду.

СУДЬЯ.

Скажите, не было случаев,
чтоб кто-нибудь из обреченных
бросился на охрану?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нет.
Только один раз я слышал,
как кто-то закричал:
— Они нас здесь всех уничтожат!
Но тут же другой
стал его урезонивать:
это, мол, невозможно,
ты — паникер и трус,
кто это допустит,
возьми себя в руки!
И если плакали дети,
их утешали родители,
переходя из раздевалки
в соседнее помещение.

СУДЬЯ.

Где оно находилось?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Рядом с самой раздевалкой.
Помню дубовую дверь
со смотровым глазком
и колесообразным запором.

СУДЬЯ.

Как долго они раздевались?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Примерно десять минут.

СУДЬЯ.

Все шли добровольно?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Люди из зондеркоманды
кричали:
— Быстрее! Быстрее!
Не то остынет вода!..
При этом не только уговаривали,
но иногда били
и даже стреляли
в случае неповиновения.

СУДЬЯ.

А там, в той комнате рядом
были устроены,
чтоб обмануть вошедших,
души, краны и прочее?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нет. Там уже ничего не было.

СУДЬЯ.

Но когда тысяча
и даже больше человек
вдруг оказывались
в каком-то непонятном
и тесном помещении,
должна бы подняться
паника...

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Уже было поздно...
Последних уже затолкали,
и дверь завинтили наглухо.

СУДЬЯ.

Господин свидетель,
может быть, вы в состоянии
все-таки нам объяснить,
почему эти люди
не сопротивлялись?
Самый вид этих стен
должен был вызвать догадку,
что их заманили на смерть...

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Оттуда не вышел никто,
чтоб рассказать об этом...

СУДЬЯ.

Итак, дверь завинчена наглухо.
Что происходит в камере?
Слышны ли звуки —
шум, крики?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Да. Они начинали
стучать колотить в дверь,
но слышимость была очень плохой
из-за гуденья печей и работы моторов...
Наступало головокружение,
сильная тошнота,
паралич дыхания...

СУДЬЯ.

Как долго пускался газ?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Минут, приблизительно,

двадцать...

Затем включалась аппаратура
проветривания,
и газ
выкачивали из помещения.

СУДЬЯ.

Вам приходилось видеть камеру
после конца операции?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Да. Приходилось не раз.
Люди лежали,
вцепившись друг в друга,
с распухшими лицами,
из ушей, изо рта, из носа
текла кровь,
кожа была изодрана до крови...
Являлась команда уборщиков
со шлангами,
смывала кровь, грязь и рвоту;
трупы удушенных
тут же грузили в лифты
и доставляли к печам...

СУДЬЯ.

Что это были за лифты?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Это были два грузовых лифта,
каждый в 25 трупов вместимостью,
наверху
в ожидании лифтов
стояла команда носильщиков.
Они волокли трупы к печам.
Но перед сожжением
зондеркоманда
производила последний осмотр:
искали спрятанное золото,
драгоценные камни,
кольца и серьги,
затем остригали
женщин, и волосы
тут же
упаковывали в тюки;
и, наконец,
команда зубных врачей,
специально подобранная
доктором Менгеле
из самых лучших дантистов Европы,
выламывала изо ртов золотые мосты
и коронки...

Печи обслуживало
приблизительно сто человек,
работа шла в две смены...

СУДЬЯ.

Что делали с золотом
и другими изъятыми ценностями?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

При сортировке вещей
найденное золото,
деньги и драгоценности
укладывались в специальные ящики.
Но перед укладкой
вахманы успевали
набить карманы
деньгами,
принадлежавшими рейху.
Обувь и одежду,
связанные в узел
еще самими казненными,
отправляли в Германию
для нужд пострадавших

от бомбардировок.
Золотые коронки и зубы
переплавляли...
Я однажды вел в лагере следствие
в связи с хищениями
изъятых валюты.
И несколько охранников
были осуждены.

СУДЬЯ.

Как проходил процесс?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Процесс, был, конечно, фиктивным.
Судили мелких преступников
за кражу,
а не за убийство:
об убийствах и злодеяниях
вообще не могло быть речи.

СУДЬЯ.

Неужели вы, как юрист,
не нашли никакой возможности
предать огласке все,
о чем вы узнали в Освенциме?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Какой суд, скажите мне,
стал бы тогда рассматривать
дела о массовых казнях,
о неслыханных зверствах,
о кражах и ограблениях,
которые совершали
не какие-то жалкие вахманы,
а крупнейшие чиновники
и все государство в целом?!

СУДЬЯ.

Но, может быть, вы могли бы
найти другой способ действия?
Довести каким-нибудь образом
до мировой общественности
известные вам факты?

СВИДЕТЕЛЬ 1.

Я был убежден тогда в том,
что мне никто не поверит,—
меня самого бы казнили
или же, в лучшем случае,
заперли бы как сумасшедшего.
У меня, признаюсь,
был план —
бежать за границу.
Но я боялся,
что мне и там не поверят.
И в то же время я думал
о том, что будет, если
мне все-таки поверят?
Не принесу ли я этим
ущерб моему отечеству
и моему народу?
Мне стало казаться,
что если узнают всю правду,
то другие народы
уничтожат немецкий народ
за все, что он совершил.
И я остался в Германии.

ОБВИНИТЕЛЬ.

Господин свидетель,
считаете ли вы возможным,
чтоб адъютант коменданта лагеря
не знал о том, что делается
в крематориях, вплоть до того момента,
когда они были взорваны?

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нет, это исключено.
Каждому из шести тысяч служащих
лагерного персонала
было известно все.
Машинисты тех паровозов,
которые везли эшелоны,
стрелочники, работавшие
на разгрузочной станции,
телеграфисты и стенографистки,
все вместе и каждый в отдельности,—
все они знали, что такое Освенцим.

АДВОКАТ.

Мы протестуем!
Свидетелем движет ненависть,
а ненависть ослепляет
и искажает истину.

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Нет, я далек от ненависти,
я никому не жажду мстить.
Дело не в них,
сидящих на этой скамье,
а в том, что свои злодеяния
они никогда бы
не смогли совершить
без косвенного соучастия
миллионов
других людей!

АДВОКАТ.

Эти нападки
направлены на целый народ,
который в трудное время
вынес тяжелейшие испытания,
понес тяжелейшие жертвы
и вел тяжелейшую битву
за право на жизнь.

СВИДЕТЕЛЬ 7.

Я прошу разрешения
напомнить только о том,
что, когда нас, арестованных,
везли через город на станцию,
вся дорога была запружена
толпой любопытных.
А что касается этих,
нынешних подсудимых,
то я вижу их
лишь в самом конце
огромного списка мерзавцев,
списка подручных убийц.

СУДЬЯ.

Подсудимый Мулка,
вы ничего не знали
о ликвидации узников?
Ведь речь идет об убийствах!

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Мы тогда искренне верили,
что все эти мероприятия
предусматривают какую-то
нам не известную,
но крайне важную цель
стратегического характера
для достижения победы.
Господин президент,
поверьте,
я был духовно сломлен
от этой жуткой работы,
я настолько был болен,
что даже попал в лазарет.
Я должен здесь подчеркнуть,

что если я в чем-то участвовал,
то был абсолютно пассивен,
и на моих руках
нет человеческой крови...
Высокий суд,
я здесь хочу заявить,
что сам являюсь участником
сопротивления нацизму,
врагом нацистской системы
и сам подвергался преследованиям...

СУДЬЯ.

Как это понимать?

ПОДСУДИМЫЙ 1.

Я был арестован
за высказывание
пораженческих настроений,
провел три месяца в карцере,
а после освобождения
попал под бомбежку противника
во время злодейских налетов
на города Германии.
Как старый солдат,
я принимал участие
в спасении мирных людей,
в разборке развалин.
Мой собственный сын погиб.
Господин президент,
на этом процессе нельзя
забывать и миллионы тех,
кто отдал жизнь в боях

за нашу отчизну,
нельзя забывать,
какой была эта война
и того, что делалось после,
нельзя забывать обид,
нанесенных Германии.
Все мы —
это я хочу подчеркнуть особо —
не совершали никаких
жестокостей и преступлений,
а лишь выполняли свой долг,
вопреки всем трудностям нашей
службы,

наперекор отчаянью,
которое нас охватывало.
И теперь,
когда наш народ
вновь выдвинулся на ведущее место,
на руководящую роль,
не лучше ли заняться
другими делами,
чем бесконечным копаньем в прошлом,
бесконечными попреками
за дела и проступки,
которые следует раз и навсегда
забыть
за истечением срока,
за давностью лет!

Громкие возгласы одобрения со стороны
подсудимых.

Занавес

